

Александр Загрибелный

НАШ МАЛЕНЬКИЙ ТРЕВОЖНЫЙ МИР

(Афганские хроники)

А ТАМ ТАКИЕ ФИНИКИ!

Вчера в Кабуле произошел теракт, а сегодня позвонил шеф и сказал, что сбросил мне на почту материалы по тендеру на бурение в Афганистане.

Я посмотрел – двести страниц убористого текста на английском. Десятки форм для заполнения: реквизиты, техника, персонал, логистика... И, как всегда, аврал! Дедлайн – срок сдачи ровно через неделю. И пакет с документами должен успеть по адресу.

Всю ночь вчитывался в географические и геологические новости. А куда деваться – кризис творит свое черное дело. Нефть упала, заказов нет. Если в тучные времена наш «Юг-Дрилл-Мунай» бурил по 100 и ремонтировал до 1000 скважин в год, то сейчас 12 буровых и 20 ремонтных станков месяцами стоят на приколе. Сотни рабочих сидят по домам без дела и денег. Как координатор по проектам, я пока на плаву, но на хилые полставки.

Конечно, подняли всех, кто оставался в офисе. Но как бы ни упирались – не успеваем! Только почте DHL нужно три дня, чтобы дойти до тендерной комиссии. А если учесть, что в Афгане четверг и пятница выходные, а суббота и воскресенье – нерабочие дни у нас, то...

На кону 13,5 миллионов долларов за реабилитацию двух газовых скважин. Это щедро и заманчиво. Однако финансовая сторона до конца не ясна. Требуется банковская гарантия – 300 тысяч долларов, перечисленные в надежный афганский банк. А где его с ходу такой найдешь?

Вопросы безопасности тоже смущают. Хозяева настоятельно рекомендуют предварительно приехать и оценить ситуацию на месте. Визит других претендентов уже состоялся. Сколько и из каких стран собрались они на месторождении в Шибаргане – коммерческая тайна.

Без особых надежд отправляю письмо в Комиссию при администрации президента Афганистана с просьбой по возможности продлить тендер.

А пока изучаю обстановку по Интернету, разогревая свой писательский интерес.

Шибарган – городок на севере Афганистана, в средние века стоял на Великом Шелковом пути и весьма процветал. Здесь при раскопках нашли уникальные золотые украшения бактрийских царей, подобные казахстанскому скифскому кургану с золотым человеком.

Советский Союз открыл там газовое месторождение. С началом боевых действий буровые вышки были брошены. Позже, в годы относительного затишья, построили завод по очистке голубого топлива. Теперь требуется поднять добычу из недобуренных скважин. Местный люд живет практически без электричества и топит чем придется, с каждым годом усугубляя экологическую ситуацию в полупустынной зоне.

От Термеза в Узбекистане по знаменитому мосту Дружбы через Амударью и границу в поселок Хайратон ведет железная дорога с нашей широкой колеей. Следом крупный город Мазари-Шариф, а там и до Шибаргана по трассе 100 км – почти рукой подать.

В противоположную сторону – соседняя провинция Кундуз – та самая, в которой американцы осенью 2015 года разбомбили по ошибке госпиталь Красного креста. На карте разноцветными пятнами обозначены районы, контролируемые талибами. До всех ярких событий каких-то 200–250 км. В общем, веселые места.

Утром пришло письмо из Афганистана. Вот сюрприз! Тендер продлили до середины мая.

Теперь есть время – посмотреть и оценить все на месте.

Но в чем дело, почему они такие быстрые и вежливые? Неужели столичный теракт всех распугал?

Жене рассказал. Она запричитала:

– Ой! Страшно, я бы не поехала.

– Но тебя и никто не посылает. Что мне теперь, увольняться? Торчать без зарплаты, глядишь, и без пенсии останешься.

Успокоил ее тем, что шеф тоже едет.

Подготовил и отправил заявку с паспортами на визу.

Но шеф ехать отказался. У него срочные дела. Он однажды сидел в иранском зиндане за нарушение валютного режима. Больше не хочет.

Ладно, поедем с Тимуром – нашим директором отдела бурения, с ним мы катались на переговоры с «Газпромом» в Питер, родился он в Бухаре, шарит кроме казахского на узбекском и немного по-таджикски, я знаю английский, друг друга понимаем по-русски, найдем общий язык и с пуштунами.

Но шеф вдруг объявляет:

– Езжай сам.

– А Тимур?

– Он занят, авария на скважине.

– Но как без него? Кто техническую сторону смотреть будет?

– Ерунда, разберешься.

– Нет, один в Афган не поеду! – категорически отрезал я по телефону, за что был одарен одобрительным взглядом жены.

– Ладно, пусть он свой паспорт передаст самолетом, – согласился шеф.

Женщины дома наперебой отговаривали, стращали бородами талибами. Еще убьють! Или искалечат за несчастные гроши. («Ну что он тебе платит – пятьсот

долларов? Если б за пять тысяч – другое дело»). И при этом восхищались, какие в Афганистане растут огромные финики. И какие они здесь у нас дорогие. А там наверняка дешевле.

– Хорошо, – отвечаю я, – если начнут меня талибы воровать, я им скажу: «Смотрите-ка, узнает моя жена, она вам тут такую истерику закатит, мало не покажется, из-под земли достанет, так что лучше меня не трогайте!»

Сестра звонила из США, тоже говорила – не езжай. Но по другой причине.

– К американцам плохо относятся. Узнают, что родственники в Америке, возьмут в плен и потребуют выкуп.

Налицо воспитанный за двадцать лет жизни в Штатах достойный американский прагматизм.

* * *

Списался с министерством. Принимающая сторона обещает встретить в Мазари-Шарифе и сопроводить до Шибаргана. Я же рассчитываю с ними передать документы на тендер в Кабул.

В кабинет заглядывает зав транспортным отделом, бывший гаишник. Осторожный человек. Тихим голосом вещает мне, что, дескать, слышал байку про казахстанских дорожных строителей в Афгане: поработали, выполнили объем, да потом еле ноги унесли, без оплаты, вдобавок всю технику там оставили.

– Ты шефу об этом сказал?

– Что ты! Это я так, между прочим. Может, и неправда, просто слухи. Если хочешь, сам скажи.

Наш азиатский народ неприятные факты предпочитает начальству не излагать. Тянуть, пока все само не прояснится или не развалится. Известна ведь притча о домбре, которую хан приказал залить расплавленным свинцом за то, что звуками в руках знаменитого акына рассказала о гибели сына на охоте.

Я, хоть и родился здесь, на югах, но то, что считаю нужным, стараюсь говорить по-русски прямо, не замалчивая трудности и скользкие места. Думаю, что, в частности, и за это тоже меня не отправили в неоплачиваемый отпуск.

Как бы то ни было, завтра еду в Астану за ускоренными визами. Но боюсь, не дадут мне ее на Тимура без его присутствия, поскольку наверняка надо оформлять какие-нибудь суровые обязательства. Это я предполагаю по собственной практике визита в другое исламское государство – Саудовскую Аравию. Тогда пришлось распиской давать согласие, что в случае обнаружения у меня алкоголя или наркотиков – мне отрубят голову.

Звоню в афганское посольство. Объясняю, что собираемся в гости.

– В чем проблема? – восклицает бодрый голос с незнакомым, но приятным акцентом. – Я – консул, заходи, братан, я тебе в любое время визу дам!

В ночь на скором «Тальго» я выехал в Астану.

Времени с утра было достаточно, поэтому по прибытию сел в автобус и прокатился от конечной до конечной за сущие копейки. Общественный транспорт в столице организован прекрасно. Лучше, чем где-либо в Казахстане. Остановки оборудованы электронными табло с расписанием прибывающих автобусов, а зимой в кабинках работает обогрев.

Получив в аэропорту, в окошке командирской почты, паспорт Тимура, я явился в посольство, что расположилось аккурат напротив «Меги».

Заполнил анкету за себя и «за того парня». Даже доверенность не потребовалась. По предъявлению «зеленых» визы без проволочек оказались в наших паспортах.

Спросил на всякий случай:

– Кто-нибудь еще из Казахстана у вас работает?

– Нет, – сказал консул, – продают муку, зерно, и все.

– Мы сильно рискуем, затевая свой проект? Много там талибов на севере бегает?

– Не-е, – отвечает, – там спокойно. Работает нефтяной завод. Есть друзья мои.

Хорошо говорят по-русски. Я дам телефон, у них наймете охрану.

Он слегка снял напряжение, которое роилось и уплотнялось в моей голове последние дни. Я уже не раз представлял себе ситуацию, как нас схватили и уводят в горы бородатые разбойники.

Несколько успокоенный, я поехал на вокзал. Через неделю у меня день рождения, и останется год до пенсии. Жена уже получила свою и очень довольна. Возможно, когда-нибудь получу и я.

ЧТО ЗА ЯЗЫК – ПУШТУНСКИЙ?

Обратный билет мне достался на самый поздний поезд и на верхнюю полку.

В купе сели мамаша с грудным ребенком, светлолицая девушка-казашка и пожилая женщина-южанка с изрядно поредевшей покрашенной шевелюрой.

Ребенок нервничал, плакал. Мать успокаивала его: трясла и улюлюкала.

Девушка со второй полки, поймав взгляд малыша, улыбнулась ему и состроила глазки:

– Ух, какой, не надо плакать, – удивительно ласково произнесла она.

Малыш заинтересованно уставился на нее и замолк.

– С ним говорить надо, они любят, когда с ними разговаривают.

– Бастык будет, – уверенно сказала женщина-южанка.

Рано утром мне из офиса позвонила бухгалтер, я объяснил ей маршрут через Узбекистан на Термез, и мы утрясли сумму командировочных.

– Вы как сказали «Термез», так мне на душе тепло стало, – сказала женщина, поправляя примятую подушкой прическу. – Я родилась в нем и прожила до 1990 года.

– Ну, и как там?

– Сейчас – не знаю. А тогда был закрытый город. Хорошо, тепло, все росло.

Я работала в санэпидстанции.

– Чума, холера?

– Нет, это все в далеком прошлом. Туберкулез случался. А вы туда по какой линии?

– В командировку. Нефтяник. И потом дальше на тот берег. Вы в Афгане бывали?

– Нет, не разрешалось. Но видела за рекой – маленькие, черненькие бегают. И у них всякие радиоприемники, магнитофоны, которых у нас еще не было.

– Говорят они по-пуштунски?

– Не знаю.

Женщина заварила чайник и стала настойчиво приглашать завтракать. Я вежливо отказался, продолжая лежать. Мамаша кормила малыша. Женщина обратилась к девушке по-казахски, но та, поблагодарив по-русски, достала мюсли, залила йогуртом и съела их на своей полке.

– Я не националистка, но мне не нравится, как люди не знают своих традиций и не поддерживают их, – громко и недовольно произнесла женщина. – Я живу в районе, на работе все сделала на казахском языке. Стыдила соседней – не знаете родного языка толком.

– Я из Петропавловска, у нас больше общаются по-русски, – извиняясь, отвечала девушка.

– Я тоже закончила русскую школу, у меня отец – узбек, а мать – киргизка. А когда переехала в Казахстан и возглавила районную СЭС, всех заставила дело-производство вести на казахском, – с большой гордостью объявила южанка на чистейшем русском. – Нас потом хвалили на областном собрании. А то живут и даже традиции свои не все помнят.

– Некоторые традиции меняются, – сказал я.

– Такое тоже бывает, – нехотя согласилась женщина.

– Тут все очень неоднозначно. Вот у вас казахский язык на работе полностью закрывает медицинскую терминологию?

– У нас нормально, а у врачей бывают проблемы.

– В бурении и нефтяном деле без русского, а часто и без английского просто не обойтись. Не все можно объяснить на казахском, а особенно по оборудованию и техническим операциям. А тут еще затевают латиницу. Вон узбеки отказались от кириллицы... И что творится? В школах, институтах учат латиницу, на ней вывески магазинов и контор, а большинство газет так и выходят, как двадцать лет назад, на кириллице, и документация в учреждениях вплоть до президента в основном остается на ней. Сплошная чехарда. А как там живет простому человеку? Учителей и студентов по-прежнему гоняют на хлопок...

– Ой, как нас гоняли! По два месяца каждую осень в поле на жару.

– Сейчас не намного лучше, люди бегут на заработки в Казахстан и в Россию. Инфляция дикая. Зато латиница и по-узбекски. Но для того чтобы полноценно развивались образование, наука и производство – язык должен обеспечивать доступ к глобальной информации. На него должна переводиться вся мировая научная, социальная и художественная литература. Однако на казахском этого нет, это просто невозможно! А русский обеспечивает доступ по всем направлениям. Так что пока без русского не обойтись. Хотя уже выросло поколение в аулах, которое его толком не знает.

– Конечно, темным, необразованным населением управлять проще, – подхватила разговор девушка. – Но с таким народом сильного государства не построишь, в тридцатку вождельную не войдешь. А трехязычие – это гонка сразу за тремя зайцами.

– Всех под одну гребенку нельзя стричь. Дети-то разные. Одни усвоят и запомнят, а другим хоть кол на голове теши, – согласилась женщина.

– Я знаю, сам работал в школе. «Что, мне с коровами на английском разговаривать?» – заявил мне один такой на уроке. Вот и выбирайте – что вы хотите: сидеть с родным языком и традициями в закрытом обществе или развиваться в информационном пространстве с русским, который значительно доступнее

английского. А то получится, английский не приобретем, русский потеряем и систему образования разрушим с этими реформами.

– Да-а... – протянула женщина, почесав макушку, – сложно это все.

«С людьми надо говорить, объяснять им доходчиво», – подумал я и подмигнул девушке напротив. Она ответила улыбкой.

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В АФГАНИСТАН!

«Islamic Republic of Afghanistan

Ministry of Mines and Petroleum

Дорогой Александр!

Министерство приветствует ваш визит в Афганистан. Наши деньги называются «афгани», вы можете легко поменять на них доллары в приграничном городе Хайратоне, провинции Балх.

Мы предполагаем, что ваша уважаемая компания имеет в Афганистане представителей. Если нет, то рекомендуем вам нанять автотранспорт и через Мазари-Шариф доехать до офиса Afghan Gas Enterprise в Шибаргане, где можно будет остановиться в нашем гостевом доме. Если вы пожелаете задержаться в стране подольше, то советуем для удобства и безопасности возвратиться в Мазари-Шариф».

– Представителей у нас нет, прорываться придется самим, – прочитав письмо, сказал я Тимуру по телефону.

– Может, все-таки не поедешь? Опасно... Ведь всегда можно найти убедительный повод отказаться? – услышав разговор, принялась опять уговаривать жена.

– Да, – согласился я, – но помнишь, у классика: «Есть упоение в бою...» Мужик должен приносить домой добычу. И, в конце концов, будет о чем написать.

Не сомневаясь, что мне попадутся интересные кадры, я поставил свой Nikon на зарядку.

Вечером мы выехали в Ташкент. Пограничный переход в Черняевке работал круглосуточно. Народу в полночь почти никого. Добрались до аэропорта и рано утром первым рейсом вылетели в Термез на винтовом ИЛ-114. Он мне напомнил знаменитый ИЛ-18, на котором в детстве летал в Москву.

Заметив в соседнем кресле пассажира, похожего на афганца, я решил расспросить его о том, как нам лучше передвигаться. Выразив удивление, наш попутчик на английском предупредил, что ездить самостоятельно рискованно и что лучше нанять такси, заручившись хоть какой-то местной рекомендацией.

Через час приземлились в Термезе. Здесь заметно теплее, и сады уже отцвели. Выйдя из здания аэровокзала, мы взяли такси и поехали в город.

Места общепита только начинали открываться. С легкой руки водителя мы вскоре оказались в тенистом дворике на топчане за дастарханом. Расторопные узбечки принесли кесушки с горячей шорпой и солидными кусками мяса, салат из свежих овощей, лепешки и разлили чай в пиалы. Пока ели, наш водитель успел позвонить своему знакомому, родственник которого таксовал в

Афгане, и договорился, что тот будет ждать нас и за 50 долларов довезет до Шибаргана.

Узбекский пограничный портал сиял неприветливой чистотой. У входа человек предлагал за доллары быстро провести через границу. Тут везде налажен свой бизнес. Но нам скрывать нечего, мы пошли сами.

Отказ от оплаты повлек за собой усиленный контроль. Таможенник перетрянул наши чемоданы, велел включить ноутбук, и принялся лазить по всем файлам, потом, утомившись, поднял глаза и спросил:

– Журналист?

По одному он заводил нас в специальную комнату, где все свидетельствовало о возможности досмотра в любой части тела.

Лейтенант глядел пристальным глазом и ждал признаний – где спрятаны доллары, не указанные в декларации? Совсем, как в приснопамятные раннепостсоветские времена, когда в первый раз из Шереметьево улетал в Рио-де-Жанейро на глобальный «ЭкоФорум-92». Но не до шуток. Говорят, хуже только на переходе в Туркмении.

После обследования, провожаемые напряженными взглядами узбекской стражи, мы ступили, наконец, на пустынный мост Дружбы длиной 816 метров с железнодорожным рельсами посередине. За Амударьей виднелся городок с нефтебазой на берегу. Молча мы пошли поперек большой реки, которая в здешнем течении была шире и глубже, чем Сырдарья в Кызылорде. Тимур нес в руке сумку с вещами, я катил купленный в Китае пластиковый чемодан, наполовину забитый тендерной документацией.

Мы шагали по мосту, и я представлял, как в ясные февральские дни 1989 года выводили по нему советские войска: танки, бронетранспортеры, грузовики с солдатами, почти физически ощущая дрожание конструкции от движущейся техники.

Под нами несла свои широкие мутные воды Амударья, отделяя Таджикистан, Узбекистан и Туркмению от беспокойного уголка планеты под названием Афганистан. Очень хотелось сделать селфи, но со стальных ребер моста в упор глазели видеокамеры.

На противоположном берегу вместо стеклянных глаз нас встречало огромное полотно с портретами четырех лидеров страны, которые обращались к прибывающим надписями на узбекском, фарси, русском и английском: «Добро пожаловать в Афганистан!»

Я даже предположить не мог, чем может тут обернуться фотосессия, поэтому тоже воздержался.

Пограничник у ворот смотрел на нас приветливо и удивленно. Погранзаезда была гораздо менее ухоженной и даже обветшалой, но изобилие зелени скрадывало бедность.

– Здесь все будет проще, – предположил я, и не ошибся.

Единственный капитан-пограничник, исполнявший, по совместительству и функции таможенника, без лишних вопросов, даже не заглянув в наш багаж, поставил печати в паспорта.

– Можно я вас сфотографирую?

Офицер, застенчиво улыбаясь, разрешил.

Пройдя по зеленой аллее, мимо солдат на «пикапах» с пулеметами на крыше, мы ступили в Хайратон, попав на небольшую оживленную площадь с покосившимися глинобитными домишками, пестрыми торговыми лавками и дымящими шашлычными. С предложением куда-нибудь отвезти, нас окружили бородатые мужчины, одетые в длинные

коричневые или серые рубахи и штаны из такой же материи, поверх которых они носили жилетки с несколькими карманами, очень похожие на журналистские. И ни одной женщины в округе.

Был уже полдень, и чувствительно припекало. В горле пересохло. Тимур предложил подкрепиться.

Мы вошли в ближайшую харчевню, которую ни столовой, ни кафе не назовешь. Длинные, высокие земляные топчаны, на которые, предварительно разувшись, нужно было забираться с ногами, и сидеть, свернув их калачом, поднимая ко рту пищу, поставленную на подносе на тот же застеленный клеенкой топчан. Анти-санитария впечатляющая, моя жена бы здесь есть не стала. Но мух на удивление было мало.

Нам подали шашлычки в три усохших кусочка мяса на шампурчиках из алюминиевой проволоки, тощие лепешки и жидкий зеленый чай по цене завтрака в Термезе.

Худющая, с сияющими глазами пацанва предлагала почистить обувь. Тимур пообщался с ними на узбекском, на таджикском, сфотографировался, но туфли чистить не рискнул.

Слух о двух прибывших иностранцах распространился по округе, и пока мы дожевывали шашлык, подъехала новенькая «Тойота-Камри» с чимкентскими номерами. Хозяин – афганец, проживает в ЮКО, жена, дети в Казахстане, а калымить он ездит сюда – на границу. Чудеса, да и только! Мир тесен. Я сам родился в Чимкенте, Тимур давно жил в нем, так что это была почти встреча земляков. Хозяин «Тойоты» говорил на нескольких языках, а поскольку все тут друг друга знали, он позвонил и быстро нашел таксиста, который ожидал нас, чтобы везти дальше в Шибарган.

В Афганистане шел 1395 год от даты переселения пророка Мухаммеда из Мекки в Медину, что произошло в 622 году после рождения Христа.

Мы тронулись в путь по ровному асфальту, кое-где присыпанному песком от соседствующих барханов. Пейзаж вокруг был похож на южную окраину казахских

степей с холмами, тянущихся вдоль высоких гор Тянь-Шаня в Жамбылской области на переезде от Мерке до Тараза. Только кромка горных вершин то ровная, то скошенная незнакомыми изломами убеждала, что мы не дома.

Тощие овцы и коровы передвигались по высохшей полупустыне. Пестро разри-сованные грузовики увозили уголь в соседний Пакистан. Прямо в открытом поле располагался железнодорожный тупик, где разгружался товарняк. Это конечная точка доставки оборудования по железной дороге.

Мимо пролетали Бармалеи на разукрашенных мотоциклах. Набитый людьми трехколесный мотороллер типа «Муравей» оказался самым популярным видом общественного транспорта.

На машине времени мы попали в спутанное с современностью средневековье.

Вдоль прекрасной асфальтированной трассы тянулась страна глинобитной кочевой культуры. Жилища, похожие на степные кладбищенские мазары казахов под низкими куполами, прятались за глиняными дувалами, над которыми то там, то тут выглядывала солнечная батарея или спутниковая антенна.

Полжизни хозяин строит забор, огораживая свой участок, потом заводит хозяйство и семью.

На огородах женщины в парандже, в черных и синих длинных одеждах разбивали мотыгами комья глинистой почвы, политой более потом, чем водой. Что-то здесь даже вырастает, от непомерного труда. Все это было похоже не на жизнь, а на выживание.

Периодически проплывали военные укрепления – запакованные глиной, обтянутые крупной железной сеткой огромные цилиндры, с пулеметными гнездами наверху. На обочинах попадались выпотрошенные остовы советских БТРов.

В небе под горами парил аэростат наблюдения.

После того как нас страшил в самолете афганец, дорога в Шибарган показалась ровной, прямой и вполне безопасной.

Если б я не норовил фотографировать американские бронетранспортеры и прочие военные достопримечательности, никто бы на нас не обратил внимания, но вдруг с поста заревела сирена. Солдат с автоматом выскочил к трассе и приказал остановиться. Я вынул свое удостоверение. Как ни странно, слова «русский» и «журналист» подействовали благоприятно. Нас отпустили. Однако Тимур с водителем занервничали, и фотоаппарат пришлось положить на сиденье.

Без остановок мы проехали Мазари-Шариф, большой полумиллионный город, знаменитый своей Голубой мечетью халифа Али ибн Абу Талиба. Но мы двигались не через центр, и город предстал перед нами как сплошной придорожный базар со складами, мастерскими, торговыми лавками, кучами мусора и убогими точками общепита.

К 17 часам местного времени, которое отличается от астанинского

на 1,5 часа, мы въехали в ворота гостевого дома.

Нас ждали. Лица встречавших выражали польстившее нам удивление. Нас отвели в большую комнату с двумя кроватями. Мы разложили вещи, приняли душ, переоделись.

Во дворе, естественно, за высоким забором на топчане посреди цветника, уже был накрыт дастархан. На керамическом блюде дымил плов из длинного афганского риса с изюмом и курагой. Его дополняли без затей разломанная лепешка и салат из огурцов с помидорами.

Ужин на свежем воздухе был как нельзя кстати.

За дастарханом сидели четверо представителей из местного нефтегазового управления – директор, начальник промысла, главный инженер, юрист и два представителя столичного министерства.

Мне дали деревянную ложку, расписанную под хохлому, разумеется, made in China.

– А мы думали, какие сувениры сюда везти? – спросил я.

– «Русский стандарт» – вот что везите в следующий раз, – доставая из пакета бутылку водки, с тонкой блуждающей улыбкой сказал по-английски Вазир – молодой чиновник из Кабула.

Поднимая первый гост «За встречу!», хозяева еще раз выразили удивление – как мы смогли удачно и вовремя добраться.

КИН-ДЗА-ДЗА

Лирика закончилась, начались реалии. Утром я сидел рядом с водителем «Лэнд-крузера», у которого под рукой расположился калашников. На месторождение кортеж легковушек отправился в сопровождении пикапа с шестью автоматчиками, пулеметом и базуккой.

Свернув с трассы на горную дорогу, мы проехали мимо огромного, поросшего травой склада под открытым небом с порезанными буровыми вышками, трубами, емкостями и прочим ржавеющим здесь с советских времен металлоломом. Вдалеке виднелся завод по очистке газа от сероводорода. На высокой трубе сгорал SO_4 . Здесь его было заметно меньше, чем в Казахстане на Тенгизе.

В радиусе двух-трех километров по горам и ущельям действовал десяток продуктивных скважин, газ от которых по трубам поступал на завод. Афганские власти планировали восстановить две недобуренные скважины, чтобы увеличить подачу газа для местных нужд, а в перспективе добавить еще шесть и построить электростанцию – для обеспечения региона собственным электричеством. Проект финансировал крупный исламский фонд.

Мы остановились на вершине голой каменистой сопки возле брошенной советской скважины.

Шестеро охранников, соскочив с пикапа, бегом распределились по точкам ближайших доминирующих высот.

– А сколько их нужно во время буровых работ? – спросил я.

– По кругу должно быть 20 бойцов одновременно. В сутки – 100 человек.

– Какой закладывать под них бюджет?

– Миллион долларов хватит, – улыбаясь, произнес Вазир.

Ржавая глыба превентора на погнутой трубе возвышалась над бетонным кольцом забойного колодца.

– Когда наступали моджахеды, пришлось резать и валить вышки, – объяснил седой инженер-афганец.

Тимур, осмотрев объект снаружи, полез в колодец, принялся измерять диаметры труб и крепление задвижек. Потом спорил по единицам измерения с инженером, который хорошо понимал по-русски, поскольку пять лет учился в политехническом институте в Харькове. СССР вкладывался здесь по полной программе.

Выросший на промысле в Газли Тимур рассказал, что и отец, и многие родственники его были нефтяниками, а дядька ездил сюда, в Афганистан, так что, вполне возможно, какую-то из скважин бурил именно он.

– Гораздо технологичнее и безопаснее было бы отступить пару метров, поставить станок и пробурить новую скважину, чем на глубине ковырять ржавые трубы, – сказал Тимур.

С этим соглашался и афганский инженер, однако заказчик стоял на своем – таковы условия тендера.

Вторая скважина за горой мало чем отличалась от первой. В любом случае миссия была выполнима.

Свежий афганский ветерок, летающий над горами, приносил странные шумы. Близость и доступность оружия пьянила. На вольном воздухе, совершенно впад в ребячество, мы с Тимуром и охраной устроили большую фотосессию с автоматами, пулеметом и базуккой.

Обогнув гору, наш кортеж возвращался по каменистой дороге, и, когда мы перевалили через вершину сопки, перед нами открылась панорама до самого

горизонта. Тонкая ниточка автострады с движущимися точками автомобилей, пересекая долину, тянулась с запада на восток.

Слева на склоне я увидел четыре БТРа, которые как шли друг за другом, так и остались там, где их подбили. У меня сжалось сердце. Сколько здесь полегло наших ребят...

В небе парил дирижабль. Вдруг послышался и стал нарастать мощный гул моторов. Над расчерченной глинобитными стенами на большие прямоугольники равниной, словно возникнув из прошлого, вылетев из-за горы, барражировали пятнистые советские вертолеты МИ-8.

На одном из них, как сказал директор промысла, летел вице-президент Афганистана генерал Дустум. Под его командованием проходила операция по ликвидации прорвавшейся банды талибов. Дустум – узбек, выходец из здешних мест, в очередной раз наводил порядок в собственной вотчине.

С вершины мы наблюдали, как внизу бежали, отстреливаясь, люди. Передний вертолет резко приземлился, из него выскочили солдаты, стреляя вдогонку убегающим. Один упал.

– Что им надо, этим талибам? – спросил я.

– Воры, бандиты, разбойники... Приходят с гор, нападают, убивают людей на дорогах, – сказал директор.

– А многие здесь же и живут в хижинах, нищета заставляет выходить и грабить, – добавил инженер.

– Мы рисковали, когда вчера сами поехали на такси?

Они молча кивнули.

Спустившись с гор, мы остановились осмотреть склад, где лежало срезанное буровое оборудование, проржавевшие за тридцать лет трубы, проеденные ржой емкости, гнутые мачты вышек – натуральная Кин-дза-дза – для тех, кто помнит этот удивительный фильм, съемки которого проводились на бюджетном интерьере заброшенного нефтяного промысла.

Здесь даже электрические столбы с лампочками стояли – из старых буровых труб, а заборы были сварены из тысяч турбинок от забойных двигателей.

Тимур вновь снимал размеры стола ротора, диаметры буровых труб и обсадных колонн, пытаясь прикинуть, что могло остаться внутри скважин.

ПОИСК КОМПРОМИССА

Утром после завтрака для собравшихся ответственных работников, инженеров и представителей министерства мы устроили презентацию нашей компании. Я показывал слайды на ноутбуке, рассказывал на английском о трудовом пути компании, стараясь произвести благоприятное впечатление. Добросовестный старый служака-инженер Алим, директор и остальные слушали внимательно, но только не молодой лис – Вазир. От взгляда на его скучающую физию у меня начинал вязнуть рассказ.

По отрывочным репликам и вопросам постепенно стало понятно, что тут уже побывали китайцы и турки.

После обеда мы попросили хозяев осмотреть Шибарган и побывать на базаре.

– Надо выйти в город, узнать, что тут почем, прицениться, какие суммы закладывать на питание бригад.

Нам дали машину и двух провожатых.

Наш «Лэндкрузер» резко выделялся среди потрепанных местных авто. Пассажирских автобусов видно не было. С крытыми кузовками битком набитые людьми мотороллеры с ревом носились по улицам, и у сидящих сзади ноги свешивались через борт чуть не до земли. На мотоцикле, плотно прижавшись друг к другу, порой ехали одновременно отец, мать и двое детей.

С одной стороны широкой базарной улицы чередовались прилавки с пряностями, сухофруктами, с другой стороны – мастерские по пошиву одежды, сувениры, часы и всяческий ширпотреб, а в середине рынка стояли повозки со свежими овощами и зеленью. В центре под шатром винтовым прессом выжимали сок из сахарного тростника, лимонов и апельсинов. Но самым ходовым товаром были свежеепеченные лепешки. Их разбирали целыми стопками, проходя мимо, подъезжая и даже не слезая с мотоциклов. Город спешил к концу трудового дня запастись едой и растечься по домам.

Цены на продукты не уступали казахстанским, мясо было даже немного дороже. Но если брать оптом, то можно было найти разумные варианты.

Веселая, любопытная пацанва стайкой сопровождала нас. Одни закрывались от фотоаппарата, другие наоборот, смеясь, просили их запечатлеть.

– Сфоткайте его, смотрите, сколько он начистил морковки! – кричали пацаны, окружив вконец засмущавшегося хмурого мальчишку лет десяти, сидевшего возле горы кожуры и огромного казана нашинкованной моркови. Наверняка это было его ежедневное занятие, если он вообще ходил в школу.

Вдруг маленькая девочка упала перед моими ногами и распласталась по земле лицом в пыль. В кулачке у нее зажат кулечек с голыми куриными косточками.

– Что с ней? – оторопел я.

– Нищая, – уводя меня в сторону, сказал провожатый.

У нас в Казахстане нищие зазратые. Здесь же – предел человеческого унижения. Умоляя о милостыне, они могли следовать за тобой целые кварталы. Но чем больше даешь, тем больше их роится вокруг тебя. И даже тот, кто получил, уловив сочувствие, начинает просить еще.

– Хочу афганскую одежду и тюрбан на голову, чтобы быть похожим на местных, – сказал Тимур.

– Сейчас вам это сделают, – пообещал наш гид.

В ближайшей лавке мы купили полуфабрикаты из ткани, нас отвели к портному, который снял мерки и заверил, что, пока мы гуляем по базару, он сошьет традиционные афганские костюмы: рубаху со штанами – пирухан и серый клетчатый платок – кадифа, в виде тюрбана на голову.

Всю вторую половину дня после презентации меня томили сомнения.

– Что-то разговор у нас не продвигается. Тебе не кажется, что они ждут нашего предложения по откату? – продевая руки в рукава новой рубахи, спросил я у Тимура.

– Скорее всего, да, – натягивая штаны, согласился он.

– Сколько мы им можем обещать?

– В Казахстане обычно – 7 процентов от тендера. Здесь не знаю, – накрутив тюрбан и удовлетворенно посмотрев на себя в зеркало, сказал Тимур.

– Тогда в документах нужно перекрыть расклад по затратам.

Что поделать – обычная практика. У нас то же самое. Сколько б ни говорили, ни писали о взятках и коррупции, но откуда у госслужащих, акиматовских и многих прочих возникли бы такие дома, автомобили, не с зарплаты же?

Примерка прошла живо, мы сфотографировались, и уже сильно не отличались от местных. Приобретая

одежду на память, я еще не знал, что она мне очень пригодится.

Видя наше доброе расположение духа, соседний продавец сувениров тут же предложил купить калашников за тысячу баксов – новый, хороший, но, в зависимости от производителя, можно найти и подешевле.

Когда вернулись, уже совсем стемнело, из-за перебоя со светом в резиденции царил мрак. В большом зале на диване полулежа расположился Вазир, разминая пальцами что-то похожее на пластилин.

– У нас есть шанс? – спросил я, подсаживаясь на край дивана.

Вазир неопределенно пожал плечами.

– Шанс есть у всех. Какая у вас заложена сумма на проект?

Я назвал. Он удовлетворенно качнул головой.

– Но у вас нет афганского партнера.

– Станьте вы нашим партнером, – не задумываясь, предложил я.

Он засмеялся.

– Мы – госслужащие, не имеем права.

Он щелкнул зажигалкой, поджег кусочек «пластилина» и втянул в себя дым.

– Хочешь попробовать?

Я нюхнул и закашлялся. Чертовски крепкий кандагарский гашиш. Он усмехнулся.

– Мы можем предложить хороший бонус за содействие нашему проекту, – сказал я.

– Я ждал этого разговора еще вчера. И сколько вы предлагаете?

– Миллион долларов.

В глазах заблестела заинтересованность. Лицо его оживилось. Он выпрямился и сел на диване ровно.

– Вы перечисляете деньги, и тогда мы подписываем контракт.

– У нас частная компания, надо посоветоваться с шефом.

– Посоветуйся.

– А можем мы с вами передать документы на тендер?

– Нет. Мы не имеем права брать чьи документы. Вы должны их сдать в специальный комитет в резиденции президента Афганистана.

Такого поворота я не ожидал. Получалось, что придется самим лететь в Кабул? Быстро созвонились с Казахстаном, сообщили, что наши документы брать отказываются.

Шеф дал добро на поездку в Кабул. Но выдвинул встречные условия. Если мы выигрываем тендер, то из полученной суммы на мобилизацию выделяем треть бонуса, после окончания первой скважины и оплаты работ – еще треть, и остальное после второй скважины.

– Так не получится, – возразил Вазир, – есть люди, которые участвуют только на первом этапе. Они не могут ждать окончания проекта.

Отступить было некуда.

– Будем обсуждать, – ответил я.

– У вас есть банковская гарантия? – спросил Вазир.

– Ждем поступления со дня на день.

– Учтите, что без нее заявка не принимается.

Не рассчитывая на продолжение прогулки, денег мы взяли впритык – туда и обратно. Банкоматы в Шибаргане не работали. На два авиабилета в Кабул не хватало. Но Тимуру особо там делать было нечего, основная техническая часть заканчивалась здесь. Лететь придется одному. Я выгреб у Тимура заначку – сто долларов, оставив ему на поезд из Термеза в Ташкент. Western Union в Кабуле есть. Скинут на проживание.

Наш промежуточный отчет по электронке выглядел так:

«Посетили месторождение, обсудили огромное количество технических и организационных вопросов. Однако самый большой вопрос – банковская гарантия, без нее все усилия аннулируются. Афганцы предлагают лететь в Кабул, забрать гарантию в банке и принести пакет документов с исправленной суммой в тендерную комиссию. Мы решили, что Тимур возвращается, а я отправлюсь в Кабул, доделаю и распечатаю новый бюджет, и все занесу в комиссию. Есть вероятность обойти конкурентов. Торопите банк. Вышлите мне на первичные расходы тысячу долларов.

Прилагаю фото о нашей деятельности».

На снимках Тимур обмерял скважину, а я стоял с базуккой на плече, держа оборону. Нас так просто не возьмешь.

Я очень надеялся долететь вместе с министерскими, но в агентстве вежливый клерк ответил, что мест на ближайший рейс уже нет, и пришлось брать билет на следующий день. Добираться придется уже самому.

Утром на двух автомобилях выехали в Мазари-Шариф. Обнявшись на прощанье, мы с Тимуром пожелали друг другу удачи и безопасной дороги.

– Все подробно растолкуй шефу. И пусть срочно шлют деньги! – крикнул я вдогонку.

Тимур уехал на такси в Хайратон, где ему опять предстояло пройти через мост и узбекскую границу. А меня по рекомендации Вазира отвезли в здешнюю нефтегазовую резиденцию, где, к счастью, в офисе работала электронная почта, хотя только на английском.

«Barbambiya kerkudu! – написал я домой – Timur left for Kazakhstan today. I will fly tomorrow to Kabul myself. It is not a joke». («Барбамбия керкуду! Тимур сегодня возвращается в Казахстан. А я завтра вылетаю в Кабул. И это не шутка.»)

Я оставил вещи в чистенькой комнатке с туалетом и душем и, повернув ключом в разболтанном замке двери, отправился менять доллары на афгани.

Миновав железные ворота с охранником в будке, под стон мульты из соседней мечети, я вышел за ограду и, осматриваясь, впервые самостоятельно двинулся по тенистой улице Мазари-Шарифа. Район был тихий, ближе к окраине. Мне доводилось бывать во многих неустроенных уголках планеты: шагать по заброшенным кварталам Нью-Йорка, углубляться в грозящие грабежом фавелы Рио-де-Жанейро,

бродить по совершенно по-азиатски не ухоженным улочкам мексиканской Тихуаны, приграничной с США, наблюдать бедноту островных поселков Индонезии, но такого общего запустения, апатии и беспросвета я еще не встречал.

На пыльной площадке за деревьями показался неказистый продуктовый магазинчик.

– Немец, американец? – спросил продавец.

– Нет, русский из Казахстана.

Обменяв доллары, я купил на завтрак пару бананов. «Шурави!» – услышал я слово, означавшее «советский».

– Я знаю русский слова, – сказал продавец, отсчитывая сдачу, и, улыбаясь, добавил: – Как дела? Хорошо!

Выяснилось, что шурави еще до войны возводили жилье. Продавец показал через окно в сторону видневшихся за деревьями двухэтажных коттеджей.

– Хороший дом, – пояснил он.

В полуразвалившейся будке напротив парнишка-продавец услужливо помог мне выбрать и активизировать в телефоне афганскую симку.

Странное дело, американцы потратили здесь 200 млрд долларов, а их не любят, называют оккупантами. А русских, хоть и воевали с ними, помнят и уважают. Почему? В этом еще предстоит разобраться.

Конец первой части.

